

ПОМИНКИ

Фрагмент книги-очерка

Обломилась недосгнившая сердцевина столбика, в земле остался его низ — плотный, крепкий. Да, трухлявыми становятся именно те участки, что находятся у поверхности: земля там то сырая, то сухая, и дерево тоже то мокнет, то высыхает...

Скатываю верхнюю часть столбика в огород, встаю на колени и, как сапер в фильмах, начинаю осторожно (боюсь порезаться о возможное стекло) выгребать землю и рыжие куски трухи вокруг нижней части, которая сейчас действительно очень похожа на мину.

Лопатой орудовать тесно, а превращать ямку в котлован — лень. Мастерком бы, да опять же лень идти за ним.

Вернее, не лень это, а усталость. Надеюсь, усталость с непривычки к физической работе, а не приближающаяся немощь...

Скорее вытащить конец прежнего столбика, вставить новый, обложить камнями, прикопать землей, утрамбовать, прибить слепи правого и левого пролетов и пойти на рыбалку.

Баранина на ужин сварена; надо было пелядку почистить и выпотрошить, но это дело пяти минут... Порыбачу до захода солнца, а потом посижу, выпью, глядя в теллик, стараясь ни о чем не думать. Может, похехекаю шуткам Харламова с Батрутдиновым и кто там еще есть...

А сейчас главное — достать этот низ. Глубоко я его загнал, наверняка был уверен, что на многие годы, но вот пролетело пять, может, шесть лет, и вот я снова на карачках выгребая землю, вытягиваю камни и куски кирпича, ругаюсь, ворчу на себя тогдашнего, примерно сорокапятилетнего.

Интересно, что буду думать, вытаскивая остатки следующего столбика следующий я, спустя еще лет пять-шесть... Через шесть лет мне будет пятьдесят семь.

Время летит, и чем старше становишься, тем быстрее. (Кажется, об этом я уже думал сегодня, но ничего страшного — если мысли возвращаются, значит, они действительно важные, пускай лишь для того, к кому возвращаются, а для остальных будут смешны и банальны.) И жизнь отца кажется мне теперь такой молниеносной — он

Роман Сенчин родился в 1971 году в городе Кызыле. Окончил Литературный институт имени Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Сибирские огни», «Наш современник», «Дружба народов», «Аврора», «Урал», «Огни Кузбасса», «День и ночь», еженедельниках «Литературная газета», «Литературная Россия» и других изданиях. Автор двух десятков книг, в том числе «Ничего страшного», «Московские тени», «Елтышевы», «Зона затопления», «Дождь в Париже», «Нулевые», «Русская зима», «Остановка». Проза переведена на немецкий, английский, французский, финский, китайский языки. Лауреат премий «Эврика», «Ясная Поляна», «Большая книга», имени Александра Левитова, имени Валентина Катаева, премии Правительства Российской Федерации в области культуры. Живет в Санкт-Петербурге.

все готовился, собирался, настраивался, отвлекался на необходимое в данную минуту, в данный день, которые растягивались на месяцы и годы. А потом — бац! — и старость. (И об этом я тоже думал, но и это важно, и это нужно попытаться додумать.)

Я хорошо помню его с его примерно тридцати пяти лет и до смерти, до его семидесяти семи. И я видел, как он тратил себя — свои силы, энергию, время — не только на семью и зарабатывание денег для семьи, но и на всякие необязательные дела, на просьбы, увлечения.

И может быть, поэтому я не пошел в автошколу. Многие удивляются: как это не иметь водительских прав в наше время. А я не хочу. Автомобиль заберет у меня массу времени и сил... Я мало смотрю футбольных матчей и почти не смотрю хоккейные, а отец был увлечен этим, особенно в то время, когда трансляций было мало, когда турнирные таблицы чертили и заполняли от руки.

Он очень много читал. Я читаю куда меньше, и когда читаю, в голове стучит: а в это время ты мог бы писать свое.

Я не умею плавать, не умею кататься на коньках, не умею играть на гитаре, не умею подстригать, не умею выделывать кроличьи шкурки, я не умею находить перебитую проводку... Я мало что умею, почти ничем не увлекаюсь. И это хорошо. Чем больше умений, тем меньше времени и сил остается на то, для чего ты предназначен.

Что тут ложно скромничать: я — литератор. Хороший или нет, не имеет большого значения. Для меня не имеет. Может, мои вещи незаслуженно публикуют и издают. Мне-то на это плевать. Я пишу, отношу или отсылаю в редакции и издательства, и написанное когда гладко, когда нет, но в итоге публикуется и издается. Я получаю экземпляр журнала, книги и радуюсь. И пишу дальше. Мне нравится этим заниматься, нравится держать в руках пачки скрепленных между собой бумажных листов, на которых напечатано то, что я написал.

Если меня вышибут из того писательского ряда, в каком нахожусь, если перестанут печатать, я наверняка расстроюсь, но это вряд ли будет смертельным ударом. Две полки книжного шкафа забиты моими книгами и коллективными сборниками с моими рассказами. Мне есть что трогать, что листать; я смогу ими играть со своей будущей дочкой: строить домики, целые крепости, небоскребики, кровати для кукол. Я буду утешаться тем, что в будущих учебниках литературы меня, по крайней мере, упомянут, пусть через запятую, но все же.

Но сейчас я твердо стою на поляне современной литературы, я есть. Одни ругают меня и мое, другие хвалят; на встречах в библиотеках в разных городах — от Владивостока до Калининграда — обязательно подходят один, или два, или три человека, которые говорят, что мои книги им очень важны, скажут спасибо за то, что я есть.

Моему отцу не говорили и не скажут уже. Его словно бы не было. В литературе.

Впрочем (ужасное слово «впрочем», но оно то и дело лезет в голову; не «однако» же употреблять, а «но» уже осточертело)... Да, впрочем, отца ценили в писательском мире Кызыла. Помню какое-то застолье у нас дома, и писатель Вячеслав Бузыкаев все повторяет про отца «самородок, самородок» и требует пить за это. А потом, спустя некоторое время, отец обнаружил в новой книге Бузыкаева, изданной в тувинском издательстве, куски своей рукописи, или мотивы. Ходил разбираться, вернулся пьяный и... не злой, а опустошенный, что ли, обескураженный... Мне было тогда лет четырнадцать, я мало что понимал...

«Урянхай», который не стал не только двухсотстраничной книгой, как книги Бузыкаева (а замах у отца был на эпопею), но и вовсе погиб, очень жалко. Точнее, отца жалко, что не завершил дело своей жизни. Не сказал однажды: все, это оконча-

тельный вариант. И не стал всерьез пробивать его в печать. Каждый отказ ранил его на много лет и заставлял переписывать, переписывать.

Да что там — само название в восьмидесятые вызывало возмущение. По распространной тогда, но не доказанной наукой версии, слово «Урянхай» означало «Страна оборванцев». И как можно выпускать книгу о будущей советской Туве с таким названием?! Но в нулевые вышел роман тувинского писателя (забыл фамилию) «Урянхайцы», стал издаваться журнал на глянцева бумаге «Урянхай», в котором, кстати сказать, было напечатано несколько моих рассказов...

В своих статейках о литературе я часто высказываюсь в том духе, что очень мало пишут о современности. Но ведь и книг о прошлом у нас мало. Вернее, о некоторых периодах, некоторых местах вроде Петербурга/Петрограда/Ленинграда/Петербурга пишут и пишут; еще биографии известных людей нынче в стойкой моде, а огромные исторические куски, огромные территории России — белые-пребелые пятна.

Что известно о Сибири из художественной литературы? Каторга, Гражданская война (о ней писали свои эпопеи Георгий Марков, Анатолий Иванов, Чмыхало, Черкасов и многие другие, даже Шукшин поучаствовал своими «Любавиными»). Что еще? Конечно, сталинские лагеря, великие стройки социализма: ГЭС, БАМ, заводы. Ну и тогдашняя — 1960—1980-х — современность в книгах Распутина, Шукшина, Астафьева, Солнцева, еще нескольких десятков менее известных писателей.

А о том, как, каким образом Сибирь стала русской (именно русской, а не российской), почти ничего не писалось. И не пишется теперь.

Американцы свою литературу построили на покорении Дикого Запада, борьбе белых переселенцев с коварными индейцами, а нам, видимо, было нельзя поднимать тему покорения Сибири, сопротивления русским местным народам. Есть картина Сурикова «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем», и этого достаточно. А так — параграф в учебнике истории, карта «Освоение Сибири и Дальнего Востока» со стрелочками походов Москвитина, Пояркова, Дежнёва, Хабарова, Атласова... А что творили Атласов, Хабаров, другие многие (но не все, стоит отметить) землепроходцы, об этом не упоминали. Это было для серьезных, непубличных историков. Для абсолютного большинства такой факт: остроги ставили, которые потом превратились в города. Прекрасные сибирские города: Тюмень, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Якутск, Чита...

И что творили местные с землепроходцами и переселенцами из-за Урала — не рассказывали тоже этому самому абсолютному большинству. Зачем, типа, ворошить прошлое, омрачать дружбу народов. Хорошо ведь живут русские и буряты, коряки и русские, русские и чукчи, якуты и русские, русские и хакасы... Как братья живут.

Недавно на горе Самохвал в Абакане поставили памятник князю Иренеку, герою хакасов, жившему в семнадцатом веке. Князь этот стал героем в том числе и потому, что несколько раз брал в осаду Красноярск, сжигал окрестные деревни, захватывал много пленных — русских крестьян, зачастую насильственно ссылаемых в Сибирь со времен Елизаветы.

И вот я часто стал задумываться именно об этих не оставшихся в истории русских людях, которыми пытались заселить Сибирь, Дальний Восток, восточное (для нас) побережье Америки.

Сотни, а может, тысячи — кто знает — пробирались туда раньше землепроходцев, а точнее, вооруженных отрядов. Те сотни принимались местными вполне дружелюбно, вливались в их мир. Но после крови, какую пролили землепроходцы, местные не стали щадить никого.

А из-за Урала лились и лились потоки русских мужиков и баб. По своей воле, а чаще по царской, по воле помещиков, которые получали из казны за ссылаемых немалые деньги. Что называется, осваивали те мужики и бабы новые территории, а их убивали, угоняли в полон местные князьки и царьки вроде Иренека, жгли их избенки, вытаптывали их кое-как возделанные поля...

В то время когда я был подростком, в кинотеатрах часто шли фильмы «про индейцев». В основном гэдээровские, но иногда западногерманские, а то и американские. «Золото Маккены», например.

Мы, советские пацаны, отлично знали, как выглядят апачи, гуроны, какая форма у американских солдат девятнадцатого века, кто такие трапперы, но ничего не слышали о тлинкитах/колошах, о том, что происходило почти тогда же на побережье Тихого океана севернее Сан-Франциско.

А ведь в восемнадцатом—девятнадцатом веках там жили сотни так называемых работных людей и русских колонистов. И в основном на их поселения, а не на воинские гарнизоны совершали набеги индейцы. Те самые тлинкиты. Снимали с баб, мужиков и детей скальпы, сжигали избы. В ответ русские войска совершали походы на индейцев, били по ним из корабельной артиллерии...

Какие звучные названия давали нашим поселениям в Америке. Ново-Архангельск, крепость Константина и Елены, Доброго Согласия, Якутат, Славороссия...

Кто там жил, кто жертвы тех стычек с индейцами? Помню, вычитал где-то про харьковского мещанина Александра Щербакова, про работников-финнов, которые погибли от рук тлинкитов... Где Харьков, где Финляндия и где Аляска... На дворе начало девятнадцатого века, планета наша огромна, расстояния громадны, и вот харьковчанин, финны оказываются на другой стороне Земли, пытаются обжиться, вжиться. Как и сотни других.

Да, про англичан, ирландцев, итальянцев, французов, испанцев, расселившихся по востоку и югу Америки, мы знаем много, про свое же не очень. А про то, что стало с поселенцами-колонистами в Русской Америке после ее продажи, — тем более.

Тут вот столбик сменить проблема, а каково это деревню поставить, землю под поля очистить, распахать, намастерить инструменты или доставить за сотни, а то и тысячи верст из тех мест, где их мастерят... И все это под угрозой набега местных племен, нападения шаек грабителей, разбойников, казаков, хунхузов. А то и войск других государств.

Жизнь первых (да и не только первых) русских поселенцев в Урянхайском крае, будущей Туве, наверняка была очень схожей с жизнью колонистов в Русской Америке. Единственное большое отличие, что Русская Америка на протяжении больше ста лет входила в состав Российской империи, а Урянхай/Тува до 1944-го был заграницей.

Хотя как посмотреть... В Интернете полно карт России разных времен. На одних, например «Российское государство во время правления Алексея Михайловича», территория Урянхая входит в это государство, а на других граница обозначена немного южнее Красноярска. То же и с картами империи времен Петра Первого, Екатерины Второй и так далее, так далее. Причем карты часто профессиональные, подробные, а не просто политико-географические схемки.

Не так давно вычитал, что еще в 1604 году, когда русские стали строить Томский острог, к ним пришли представители нескольких тувинских родов. Пожаловались на притеснения монгольских Алтын-ханов и попросились под защиту русского госуда-

ря. Ответ государя, а им был тогда Борис Годунов, мне найти не удалось; может, и не было никакого ответа — у Годунова в тот год было много проблем вблизи Москвы.

Еще вот пишут, что десятилетием позже между Томском и Кузнецком (теперь это Новокузнецк) кочевало племя кужугет, а в верховьях Оби — племя ооржак. Оба — известные теперь тувинские роды... Что Томск с Новокузнецком, что верховья Оби от нынешней Тувы далековаты, а главное — надо же, для того, чтоб кочевать, перевалить труднодоступные Саяны.

Откуда кужугет и ооржак взялись в тех местах? Вышли ли на время из Тувинской котловины или ушли в нее позже?..

Часть нынешней Тувы, северо-восточная, там, где находится озеро Тоджа, точно входила в состав Московского царства в середине семнадцатого века. Называлась эта местность Саянской землицей, тоджинцы платили в русскую казну ясак. На этом, кажется, влияние царства там и ограничивалось. Ну еще русские потихоньку строили заимки в укромных местах.

Заимка... Спасение для русского человека. Надоели господа, государство, начальники, даже семья, собрал вещи и ушел в тайгу. И поставил заимку. Хотя первую или одну из первых заимок, читал где-то, поставил царь Иван Грозный. Где-то в мешерских дебрях. А может, и не Иван Грозный...

Да, кусочек современной Тувы одно время входил в состав Московского царства, а большая часть находилась в Джунгарском ханстве.

Теперь джунгары малочисленны, расплывены по разным странам, ассимилированы другими народами, а три с лишним века назад они создали крепкое и агрессивное государство. Бросались в завоевательные походы во все стороны света. Повоевали и с Московией (без пяти минут Российской империей). Вернее, Московия с ним повоевала.

Во время Северной войны (банально об этом упоминать, но куда денешься — история человечества состоит в основном из войн; когда их нет, то и история становится тусклой, скучной, наступают периоды безвременья, историкам не о чем рассказывать)... Во время Северной войны Петр Первый отправил на Восток две военные экспедиции. Одна почти вся погибла в Средней Азии, а вторая, тоже по большому счету потерпевшая неудачу (от пуль, стрел, болезней, голода две с половиной тысячи русских солдат — три четверти состава), тем не менее заложила две крепости, одна из которых потом превратится в огромный город Омск.

На другой год следующая экспедиция заложила крепость Семипалатинскую (будущий Семипалатинск, теперь переименованный казахами, кажется, в Семей), на следующий год еще юго-восточнее — Усть-Каменогорскую. Так, по сотне-другой километров, кладя когда сотни, а когда тысячи русских жизней, расширяли страну...

Но у этих экспедиций главной задачей было не расширение страны — Петру Первому рассказали, что есть такая река Дарья (Кончедарья — во глубине современного Китая), берега которой состоят не из простого песка, а золотого. Вот за золотом Петр и отправлял экспедиции.

С одной стороны, безумная идея, непонимание, какие огромные территории отделяют Тобольск, откуда отправлялись экспедиции, с другой... Ну ведь не просто прошли русские за сотню лет от Урала до Камчатки, а закрепились на этой территории, так что каких-то две с небольшим тысячи километров от Тобольска до этой самой Дарьи — пустык. В верстах это еще меньше было...

Может, если бы рассказали Петру, что песочное золото лежит на берегах не Дарьи, а, скажем, Каа-Хема или Тес-Хема, он бы отправил экспедиции в нынешнюю Туву. И в районе Кызыла на двести лет раньше возникло бы русское поселение.

Хотя Петр косвенно был за присоединение территории Тувы к России.

У него была теория, что все сибирские реки, текущие на север, должны от самых истоков принадлежать России. Об этом он вроде бы говорил послам, отправляющимся в китайскую империю для обсуждения спорных вопросов: граница, торговля, заселение российскими подданными ничейных земель.

Петр Первый наставил послов и умер. Переговоры шли года три и закончились подписанием Кяхтинского договора, подписанного с нашей стороны от лица Петра Второго. Послы наши послушались покойного императора: истоки многих сибирских рек, текущих на север, остались у китайцев. В том числе и истоки Енисея. Может, не упорствовали потому, что они-то, истоки, Бий-Хем и Каа-Хем, а после их слияния и сам Енисей, в Туве называющийся Улуг-Хемом, текут не на север, а на запад, и лишь после города Шагонара, неподалеку от административной границы с Красноярским краем, Енисей поворачивает строго на север. Примерно там и провели границу по Кяхтинскому договору.

Конечно, четкой границы, такой, какую я охранял во время службы, с КСП, забором из колючей проволоки, заставами с постоянным личным составом, делающим обход по два раза в день, в то время не существовало. И приграничных сел, а тем более городов, по крайней мере в Сибири, тоже. Первое приграничное поселение (или одно из первых) основали как раз те послы, что поехали договариваться с Китаем — Троицкосавск, нынешнюю Кяхту в Бурятии. А так — десятки и десятки верст пустующих земель с редкими кочевьями местных жителей. И эти версты постепенно заселяли русские люди, которых выталкивала европейская часть России, западные территории Сибири, где пригодной для хлебопашества земли стало не хватать. Ну и староверы шли. Шли и шли на восток и на юг...

В 1739 году возникло село Минусинское, в 1744-м в сорока километров от него деревенька Шушь (будущее Шушенское), первоначальное население которой составили четыре семьи, «пришедшие собою». В 1829-м в двадцати километрах южнее Шушенского стали строить поселение для ссыльных Ермаковское, в 1850-м под самыми Саянскими хребтами появилась деревня Григорьевка еще в тридцати пяти километрах южнее Ермаковского.

В 1862 году уже в самом сердце Саян, в плодородной долине реки Ус, были основаны два села — Нижне- и Верхне-Усинское. А через двадцать с небольшим лет Верхне-Усинское стало центром Усинского пограничного округа. Саянской Кяхтой, так сказать.

(Это я двигался примерно вдоль Усинской тропы, которая позже станет Усинским трактом — транспортной артерией (не побоюсь такого выражения) между Енисейской губернией и Урянхаем. А сколько строилось деревень, сел, станиц, караулов восточнее и западнее...)

В девяностые годы в Кызыле открыто завели разговоры о том, что раньше граница Тувы (название «Урянхайский край» там не любили, а тем более не вспоминали, что край этот был в составе империи Цин) и России проходила много севернее. Не так давно я осилил текст Кяхтинского договора (он есть в Интернете).

Конечно, сложно отыскать нынче горные хребты и вершины по названиям 1727 года. Но вот нечто знакомое: «Ергик». Это, видимо, нынешние Ергаки — природный парк, где лет пятнадцать назад построили симпатичные домики в альпийском стиле для туристов и где этих туристов иногда задирают медведи. Также Ергаки — это горный хребет, по которому и нынче проходит граница Красноярского края и Тувы.

Еще название — «Хонин дабага». «Дабага» — это, видимо, хребет или перевал то ли на монгольском, то ли на тюркском, а может, на маньчжурском (династия Цин ведь маньчжурская) или китайском. А «Хонин» — горы западнее Ергаков, под которыми

протекает речка Иджим. В начале двадцатого века на берегу более крупной реки, Ус, поставили дорожную станцию при Усинском тракте. Станцию назвали Иджим. А речка Иджим протекает от станции в нескольких километрах. Странно, конечно, хотя в Крыму вот есть речка Кача, а поселок Кача от реки тоже в стороне.

(Впрочем, на некоторых старых картах Иджим расположен на речке Иджиме и иногда назван Ижимом.)

В конце 1980-х нужда в дорожной станции Иджим отпала и людей расселили по соседним поселкам. Еще лет через десять следы Иджима поглотила тайга. Жалко — живописная была станция-деревенька. О ней я написал когда-то одноименный рассказ. Есть у меня и книга с тем же названием.

Следующее название в договоре — «Кем кемчик бом». Это, видимо, место слияния рек Хемчика и Енисея. Смешное вроде бы слово «бом» означает в переводе с тувинского — обрыв горного хребта над рекой. Впрочем, оно не только тувинское — употреблял его и родившийся и выросший на Алтае Василий Шукшин почти в том же значении... Возле Кызыла есть гора, нависающая над Енисеем, ее называют Бом.

Есть в договоре «Шабина дабага». Это за левым берегом Енисея и дальше к Алтаю горы.

После этой Шабины названий больше нет. Сначала это вызвало у меня удивление, а потом, поизучав материалы, историю, я увидел, что и общая граница Российской империи с тогдашним Китаем заканчивалась вблизи нынешней границы Тувы и Республики Алтай. Дальше на запад находилась Джунгария, и, например, Телецкое озеро, теперь туристическая жемчужина Сибири, будет за пределами России до шестидесятых годов девятнадцатого века, хотя Бийск, расположенный от озера в полутора сотне километров, вошел в состав России в начале восемнадцатого века...

К чему я эти названия привожу? К тому, видимо, что и сейчас все это труднодоступные места. На Ергаках я бывал, но на гору, где находится так называемый Висящий камень, не смог подняться: долго, круто, тяжело (а это еще не вершина хребта), видел снизу и перевал Хонин, был вблизи слияния Хемчика и Енисея — горы там высоченные, почти отвесные. И вот по этим местам лазали если не сами петровско-екатерининские вельможи, то все равно люди восемнадцатого века, без специальной обуви, снаряжения. Высчитывали, ставили некие «знаки разграничения».

Не знаю, как в Забайкалье и Прибайкалье, но здесь вблизи границ почти никто (или совсем никто) в то время не жил. Русские постепенно двигались на юг, к границе, а китайцы, монголы, тувинцы на север, кажется, нет.

Обломок медленно, враскачку, как корешок сгнившего зуба, вынут, яма подчищена, новый столбик вставлен, но еще не закреплен камнями и землей. Надо перекурить, передохнуть.

Вытираю руки о штанины, потом лицо майкой. Прохожусь чистым участком майки по стеклам очков. Но это мало помогает — от пота на них остаются бензиновые разводы.

Достаю из кармана треников сигареты, зажигалку. Закуриваю. Сажусь на тот столбик, что сгнил. Но сгнил-то снизу, а метра полтора вполне крепкие, даже и не успевшие почернеть. Надо будет попросить Костю нашинковать на чурочки, потом поколю на растопку. Просушенной сосной хорошо растапливать.

Вкусно пахнет вынутой из глубины землей, срубленной крапивой, какими-то цветочками. Ну и плюс к тому просто теплом пахнет, летом. Встречал в книжках: «пахло солнцем». Наверное, точно.

Солнце, правда, уже закатывается за бор, но, знаю, еще долго будет светло — мягкий свет летнего вечера...

Занятый борьбой со столбиком, долго не курил, и сейчас сигарета кажется вкусной, дым питательным; приятно затягиваться глубоко, до самого низа легких, до живота. И голова слегка кружится. Тоже приятно.

Мысли вроде бы отступили, и сразу, как только ощутил, что отступили, замечаю: смотрю на холмы, за которыми дорога в Туву, и снова думается о ней, о моей родине, так называемой малой родине, о тех, кто двигался к ней отсюда, из давно или не очень давно обжитых мест. Русскими людьми обжитых мест.

Наше Восточное южнее Минусинска, но севернее Шушенского, было основано как казенное поселение, и назначение его наверняка было в том, чтобы закрепить эти земли за подданными Российской империи. За ссыльными, которые, отбыв срок, скорее всего, не все захотят возвращаться в западные губернии, за теми, кто этих ссыльных охраняет, из которых тоже кто-то останется, приживется, даст потомство.

Читал, что браки с местными жительницами приветствовались, тем более хакасы без большого сопротивления приняли православие. А тогда главным была не кровь, а вероисповедание. Хм, Иван Грозный был потомком — есть такая версия — и Дмитрия Донского, и Мамая: сын или внук Мамай принял православие и стал князем в Литве.

Но это бог с ним — у князей и царей много причудливых переплетений. А вот что гнало и гнало людей с насиженных мест, например, сюда или в Урянхай, в Монголию, в Америку... Не ватаги так называемых землепроходцев, не купцов, староверов, разных сектантов, а простых русских крестьян.

Крестьяне очень тяжелы на подъем, но именно они в количественном отношении стали главной силой в освоении новых земель. Именно в освоении, а не покорении.

Наверно, справедливы утверждения ученых, что крестьян сгоняла со своих мест нехватка земли. Посаженное в начале девятнадцатого века одно зерно давало в среднем три-пять зерен урожая. После отмены крепостного права урожайность постепенно стала повышаться. Но земля оставалась в основном у помещиков, а крестьянам выделили по три-пять десятин на душу.

В перерасчете на сотни это огромное пространство. Вот у нас здесь двадцать две сотни, и люди удивляются, как много, какой простор. И сохранять в более-менее культурном состоянии удастся, не считая двора, соток десять, а то и меньше. А там было триста с лишним соток на душу, если это три десятины.

Но ведь они включали и огород, и пашню, выпасы и покосы, какой-нибудь лесок для заготовки если не дров, то хотя бы хвороста (дрова или покупали, или воровали). Так что получается совсем немного, хотя площади огромные.

А душ в семьях, несмотря на детскую и прочую смертность, становилось все больше и больше. И вот старший, или младший, или какой-нибудь средний сын со своей женой и своими детьми собирался и двигался на восток.

Как это происходило?.. Передвижники оставили нам несколько жутких картин вроде «Смерти переселенца», но в литературе я историй переселения не встречал, лишь упоминания, без подробностей... Может быть, пропустил, а может, и не написал никто. Не было среди участников переселений своих летописцев и художников слова...

В 1880-х русские перевалили границу с империей Цин в районе Урянхая. Была основана деревня Туранская (будущий городок Туран). Как обтекаемо пишут в краеведческих статьях, «с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири и местных тувинских властей». Началась распашка земли.

Но ведь это нарушение Кяхтинского договора... И что это за «местные тувинские власти»? Да, у тувинцев (урянхов, сойотов — названий местных племен можно встре-

тить множество) была некоторая автономия, но разрешение на заселение территории империи Цин/Китая пришлыми вряд ли предусматривалось этой автономией.

Через год-другой рядом с Тураном появился Уюк, а там пошло-поехало. Бояровка, Медведевка, Атамановка, Знаменка (теперь Сарыг-Сеп), Бельбей, Сизим, Владимировка, Максимовка, Нижне-Подхребтинское, Верхне-Подхребтинское (ныне Бай-Хаак), в котором в 1922 году родилась моя бабушка Валентина Мартемьяновна.

Откуда и когда пришла в Урянхай ее семья, я не знаю и теперь уже наверняка не узнаю никогда. Есть обрывок истории... Вскоре после нашего переезда в Восточное мама вспомнила, что ее бабушка Катерина, жена Мартемьяна, рассказывала ей, что до того, как они перебрались в Урянхай/Туву, жили в «Востошном», где были два края — русский и татарский. Враждовали, обзывались, дрались...

Ну, если моя прабабушка родилась не в Туве/Урянхае, то я тувинский русский в третьем поколении. Хотя, хм, моя мама появилась на свет в Красноярском крае — во время войны бабушка с тогдашним мужем и отцом моей мамы, Павлом Червоненко, уехали из Тувы, работали продавцами в магазинах где-то на приисках или рудниках. Не совсем на севере, но севернее Красноярска... Сохранился мамин советский паспорт, надо будет посмотреть место рождения.

(Павла Червоненко я видел один раз — мне было уже лет четырнадцать, когда мама вдруг получила письмо от своего отца. Он сообщал, что хочет повидаться. Старый, скоро умирать... А мама его не видела со своих двенадцати или четырнадцати (бабушка и дедушка разошлись еще в пятидесятых). Приехал плотный, с лысым теменем и бельмом на глазу (из-за этого его и не взяли на фронт) старик. Прожил у нас несколько дней. (Бабушка с мужем, дедой Сеней, жила в то время в Минусинске.) Как-то собрались его знакомые — тоже старики, — долго сидели за накрытым столом, медленно пили водку, разговаривали, разговаривали о прошлом. Я слушал их истории, но ничего не запомнил. Ничего...)

Так или иначе, моя бабушка родилась и умерла в Урянхае/Туве. Она умела разговаривать по-тувински. К ней приходил тувинец с мясокомбината; завернутое в тряпки мясо у него было привязано к голеним, чтобы не обнаружили на вахте. В нашей летней кухне он эти свои свертки отвязывал, бабушка осматривала мясо, расплачивалась с ним. Сначала, когда был маленький, меня не стеснялись, а потом я подглядывал. И наверное, чтобы я не понимал, о чем они договариваются (скорее всего, какое и сколько принести в следующий раз), бабушка переходила на тувинский.

Однажды я спросил: «Баба, а откуда ты знаешь их язык?» Она, кажется, удивилась и объяснила: «Ну как же, мы ведь рядом с ними жили». Это я запомнил. И именно «рядом» — «мы рядом с ними», а не «они с нами» или «мы вместе с ними». Рядом...

Русских переселенцев в Урянхайском крае в начале прошлого века было несколько тысяч. Случались набеги на их деревни, горели избы, рыдали женщины над убитыми мужьями, да и женщин убивали, детей. В ответ переселенцы нападали на тувинские стойбища, отбивали пленников, угнанную скотину. (Во втором томе «Истории Тувы» написано, что тувинцев на эти набеги науськивали китайские феодалы. Может быть.)

Особенно часто такие стычки случались во время Гражданской войны.

Да и в ставшем формально независимым Урянхае тоже шла Гражданская война, не уступавшая в жестокости той, что была на Дону, на Севере, на Дальнем Востоке. И так называемой интервенции Урянхай не избежал, причем интервенции особого рода.

Вообще очень сложно разобраться в происходившем в Урянхае в 1912–1921 годах. Недаром, видимо, отец мой и взял этот период для своей книги. Исторический, политический детектив не в литературном, а в более широком смысле. Даже в самом

многолинейном романе можно показать судьбы пятидесяти-ста человек (в «Войне и мире», знаю, персонажей больше полутысячи, но в основном они эпизодические), а здесь, в реальной жизни, персонажами были десятки тысяч. И в реальной жизни нет эпизодических персонажей...

В 1911 году в Китае произошла революция, монархию сменила республика. Государство распалось на множество независимых или почти независимых территорий, которые Китай потом собирал до начала 1950-х, а если честно, то до сих пор не собрал.

Среди осколков империи были Урянхай и часть Монголии. Да, часть Монголии, которая называлась Внешней и которая теперь есть государство Монголия. Внутренняя Монголия (если начать разбираться, как появились две эти Монголии, голову можно сломать) тоже попыталась отделиться, но ее быстро вернули, а Внешняя скорее обратилась к России за поддержкой, и в конце 1912 года в Урге, будущем Улан-Баторе, было подписано соглашение. Минуя Китай, правительство которого Россия тогда не признавала (незаконное, типа, пришедшее в результате госпереворота), Монголия и Российская империя договорились о свободе передвижения, торговли, банковской деятельности. А на следующий год Россия подписала соглашение уже с Китаем, где признавалось, что Монголия лишь автономия при покровительстве Китая. Все три стороны закрепили это в новом Кяхтинском договоре 1915 года.

Но севернее Монголии находился Урянхай. По примеру монголов урянхайские нойоны (правители районов/кожуунов) попросили российской поддержки. (Вернее, часть нойонов. Это вспомнилось позже, в конце восьмидесятых, и дало повод утверждать, что протекторат России над будущей Тувой был установлен вопреки желанию большинства.)

Российские власти, кажется, не очень-то хотели принимать под свое покровительство эту спорную территорию. Тем более что нойоны подавали прошения в основном не вместе, а порознь, в разное время. Но прошения и просьбы шли и шли, становились настойчивей, отчаянней...

В последнее время я все чаще набираю в яндексе слова «Урянхай», «протекторат», «Усинский пограничный округ» — желание узнать о месте, где родился и вырос, становится сильнее с годами... Недавно наткнулся на биографию Александра Христофоровича Чакирова.

Фамилию «Чакиров» я с раннего детства слышал от отца. Этот человек его явно восхищал и наверняка был одним из главных героев отцовского романа.

Родился Чакиров в 1877 году, оказывается, в Крыму, по национальности грек. После окончания военного училища в Москве отправлен на службу в Восточную Сибирь (термин «Дальний Восток» тогда почти не употреблялся). Участвовал в подавлении Боксерского восстания (это когда наши Пекин заняли), в Русско-японской войне. В 1907-м ушел в отставку из действующей армии в чине штабс-капитана и был назначен начальником Усинского пограничного округа. (Сложно понять, как это после отставки снова стал фактически военным; наверное, действующая армия и пограничная охрана различались.) Был инициатором переселения русских в Урянхай, строительства школы в Туране.

В 1913 году его сменил другой человек, но Чакиров не уехал в европейскую часть, в теплый родной Крым, а остался в Саянских горах, занимал должность «начальника по местным вопросам». Настаивал на принятии Урянхая под покровительство России. Кажется, снова был начальником пограничного округа, потому что «освобожден» от этой должности после Февральской революции.

Впрочем, Усинский пограничный округ упразднили весной 1914-го, после установления протектората; был образован Усинско-Урянхайский округ (кое-где встречается

ся «край») с центром в строящемся Белоцарске, будущем Кызыле. Может быть, Чакиров и стал начальником именно этого нового округа/края.

Но так или иначе с весны 1917-го он, подполковник, но снова в отставке, как говорится, на общественной работе. Живет в Белоцарске, участвует в съездах, заседает в комитетах. Во время Гражданской войны командует отрядом самообороны усинских дружинников, воюет с красными, получает чин полковника.

В 1920-м Чакирова арестовали в Красноярске, отправили в Москву, где летом того же года он умер в Лефортовском госпитале. (Живя в Москве, я любил бывать в Лефортове, этом кусочке Петербурга, но построенном до привычного нам Петербурга, разглядывал дворцы, казармы, похожие на дворцы, госпиталь, тоже как дворец, первый госпиталь в России.)

Такая вот судьба, приблизительная и упрощенная, одного из тех, кто связывал Россию и Туву, а точнее, делал будущую Туву частью России.

Наверняка отец ничего не знал о жизни Чакирова после революции, когда пытался напечатать свой роман. А бдительные товарищи вполне могли заинтересоваться и раздуть дело: как это, советский человек в семидесятые сделал колчаковского полковника положительным героем, благородным человеком, подвижником.

Красные, белые, дружины самообороны... Одни семьдесят лет считались теми, кому мы всем обязаны, другие — врагами, о третьих вообще старались не вспоминать. Но у каждого человека, наверное, было свое представление о правде, о малой родине, о большой России... Застряли в памяти вычитанные в одном обращении очередного (пятого или шестого) съезда жителей Урянхая к Временному Сибирскому правительству (было такое в 1918-м) слова: «Просьба не оставить своими заботами пасынка Урянхая».

Поэтично и с болью. Боль, видимо, и породила эту самую поэтичность.

В статьях, очерках, документах десятки и десятки фамилий русских (российских) людей, в большей или меньшей степени влиявших на историю маленького, но для них родного, или ставшего родным, или некоторое время важного кусочка земли на нашей планете. Врачи, учителя, военные, инженеры... Конечно, в какой-нибудь много-многолетней истории России большинство из них не будут упомянуты, но они были, они влияли. Чакиров, Корн, Венкель, семья Сафьяновых, врач Высотский (Высоцкий), Африканов, Фунтиков, Шелкунов, Гринвальд, Турчанинов и так далее, так далее, так далее. Без каждого из них история наверняка бы пошла немного иначе. А может быть, и не немного. Может быть, случился бы тот самый эффект бабочки.

Еще с первых классов школы мне не давала покоя судьба казаков, служивших в Туве, точнее, Урянхайском крае. На экскурсиях, уроках истории родного края они представлялись как абсолютные злодеи...

Есть в местной хронологии очень значимое событие — Белоцарский бой. По сути, это название и сохранило в народной памяти, что Кызыл раньше был Белоцарском.

Бой этот произошел в конце августа 1919 года. В Урянхай, спасаясь от колчаковцев, пришла партизанская армия под командованием Кравченко и Щетинкина. Их фамилиями названы улицы во многих городах Южной Сибири, им установлены памятники. А вот их противникам... Фамилии противников до недавнего времени были известны только историкам, а так — колчаковцы, казаки, кулаки...

Согласно трактовке советского времени, в июле 1919-го красные партизаны заняли Белоцарск, выбив из него одних казаков-колчаковцев, а потом, полтора месяца спустя, дали переправиться другим казакам-колчаковцам на левый берег Енисея, где и находился сам городок, и разгромили их. Почти все казаки-колчаковцы погибли — были убиты или утонули. И после этого боя в Туве установилась советская власть.

Так нам, пионерам, рассказывали об этом событии; каждый август, в годовщину боя и, по совпадению, накануне начала учебного года, возле красивого памятника погибшим партизанам проходили торжественные линейки.

Когда советское время кончилось, появились публикации и научные исследования, документы, показывающие, что все было не совсем так. Далеко не так.

Да, действительно, партизанская армия заняла Белоцарск. Правда, армией этот отряд назвать сложно — это были остатки Степно-Баджейской партизанской республики, существовавшей во второй половине 1918-го — начале 1919-го в Енисейской губернии, за рекой Маной. (Мало кому эти ориентиры что-то скажут, так что, грубо, в ста километрах от Красноярска на юго-восток.)

Весной 1919 года белые собрали силы и начали наступление на эту республику, и партизанам, многим им сочувствующим, пришлось отправиться в поход без определенной цели. Вернее, цель была — спастись. (Отряд сопровождал три сотни подвод с женщинами и детьми, домашним скарбом.)

Таких походов-бегств было немало в ту Гражданскую. Ледовый поход генерала Корнилова, мобилизационный отряд Подтелкова и Кривошлыкова после восстания казаков, известный по «Тихому Дону», «железный поток» на Кубани, воспетый Серафимовичем, Сибирский ледовый поход, метание дивизии Унгерна по Монголии, когда, чтобы не замерзнуть в степи, унгерновцы заняли Ургу, выбив оттуда китайцев и перерезав евреев, чем восстановили государственность Монголии.

Почти через год, в декабре 1921-го, кочующий по той же Монголии многочисленный отряд генерала Бакича, имеющий огромный обоз с гражданскими и больными, решил перезимовать в Урянхае, который к тому времени стал Танну-Тувинской Народной Республикой, но был встречен там бывшими партизанами во главе с Сергеем Кочетовым и регулярными красными частями и разоружен за исключением Бакича и небольших групп, сумевших уйти в урянхайскую тайгу или обратно в Монголию.

Сопротивления отряд Бакича почти не оказал: не было патронов, да и сил воевать. Кочетов, ставший в Туве, пожалуй, самым известным нетувинцем (его имя носит центральная улица Кызыла), назвал пленных «усталыми русскими людьми»... Но это декабрь 1921-го, а Белоцарский бой случился в августе 1919-го. Тогда еще не очень устали...

Отряд Кравченко и Щетинкина заняли Белоцарск без боя: администрация и казаки просто ушли из города. (Да, без боя, если не считать стычки в Саянах. Но как не считать, если в ней погибли люди; Усинский тракт подходит к скале, с которой, по преданию, окруженные казаки прыгали в мелководный Ус и, конечно, разбивались насмерть.)

Преследовавший партизан отряд белых под командованием есаула Бологова переправился на левый берег Енисея, действительно был разбит. Правда, и красные понесли ощутимые потери (в советское время писали о трех десятках погибших, а потом заговорили о нескольких сотнях)... Кравченко вспоминал, что в ходе боя было взято в плен около трехсот белых. Но что с ними стало, куда их дели, мне выяснить не удалось...

И что самое важное — Белоцарский бой не привел к установлению в Урянхае советской власти. Буквально через несколько дней отряд Кравченко и Щетинкина двинулся вслед за белыми, на север, к Минусинску. А за красными — монгольские войска, оккупировавшие по пути Белоцарск.

Теперь белые после короткого боя сдали Минусинск, а красные в Минусинске стали готовиться к отражению монголов, но те дошли только до Верхне-Усинского и после переговоров вернулись в Урянхай.

До весны 1920-го одни территории будущей Тувы были оккупированы монгольскими войсками, другие — китайскими. А потом сюда вернулись Кравченко и Щетинкин во главе уже регулярной дивизии Красной армии...

Такая вот чехарда Гражданской войны. Причем на спорной территории и при участии граждан разных стран (в отряде Бологова, читал, было больше сотни чехов и словаков). Урянхай в то время считали своим и правительство Колчака, и полунезависимая Монголия, и оправлявшийся от революционных потрясений Китай. Ну и немалая часть урянхов/тувинцев пыталась создать свое независимое государство. И для китайцев, монголов, этой немалой части урянхов главными врагами стали русские переселенцы. Их надо было выдавить за Енисей, а еще лучше — за обозначенную старым Кяхтинским договором границу...

Года четыре назад мы встретились в Абакане с писателем и депутатом Госдумы, в то время в том числе и от Тувы, Сергеем Шаргуновым и поехали в Туву. Побывали в Туране у директора тамошнего музея Татьяны Верещагиной (одной из рода Сафьяновых, много сделавшего для Тувы), в селах Суш и Балгазын, городке Шагонаре.

Сергей разговаривал с местными жителями, его помощник снимал это на телефон для шаргуновской передачи «Двенадцать». В Балгазыне Сергею рассказали историю села. Что после набега монголов, которые сожгли деревню Максимовку, уцелевшие жители стали строить новую деревню, которая потом и получила название Балгазын.

«А в каком веке произошел набег?» — спросил Сергей.

«Да в каком... Сто лет назад как раз», — ответили местные, а у Сергея удивленно поднялись брови.

Потом он про это не раз писал и говорил: для Центральной России набеги монголов — это нечто из далекого прошлого, а для Сибири — какой-то век назад...

Как уцелела семья моей бабушки (прадед-то был во время Гражданской войны самого что ни на есть призывного возраста, да и какой призывной возраст в Гражданскую — воевали и старики, и дети), тем более подхребтинские села поддерживали большевиков и красных партизан... А может, как раз это спасло прадеда от репрессий, которые в формально независимой Туве не уступали сталинским. Впрочем, и красных те репрессии в Туве косили обильно. Как и с СССР, в Монгольской Народной Республике, в Туве расстреляли почти всех старых революционеров, занимавших высокие посты в партии и государственном аппарате, ну и простых тоже прочищали, прочищали...

Не узнать уже, видимо, когда семья прадеда перебралась из села в Кызыле, когда построили ту двухкомнатную засыпушку недалеко от кожзавода. Никто не назовет имена неизвестных мне, но родных людей на групповом снимке примерно 1956—1957 годов (маме там лет четырнадцать). В центре прадед и прабабушка на стульях или табуретках, а вокруг них дети, внуки, даже правнуки, мужья и жены их детей...

Снова, чувствую, растекаюсь. Начал было думать о казаках в Урянхае и сбился на эпизоды Гражданской войны, стали вспоминаться вычитанные факты, даты. И это все, ясное дело, упрощенно. Услышь меня какой-нибудь историк, распечет за вульгаризм и неточности.

А казаки... Хм, на таком крошечном клочке земли (где, впрочем, уместились бы четыре Швейцарии, как любили сравнивать в моем детстве) действовали казаки двух войск — Забайкальского и Сибирского. И еще казаки отдельного Енисейского дивизиона, который часто называют отдельным войском.

После установления протектората в Урянхай прислали то ли сотню, то ли полусотню забайкальских казаков. (Сотня — это не сто человек, а больше — я до сих пор не знаю почему.) Вдоль границы были устроены караулы, в которых постоянно находилось от пяти до десяти казаков. Что это за караулы, как они были устроены? Я служил в погранвойсках в Карелии, из двух лет почти полтора — на заставе. Жили мы на втором этаже двухэтажного здания с котельной в подвале. Когда температура падала ниже минус десяти, и два котла не могли нагреть комнаты-кубрики (отчего их называли моряцким словом «кубрики?»).

Такие похолодания случались редко, а как были оборудованы караулы в Урянхае, где зимой почти всегда под минус тридцать и ниже, а летом столько же со знаком плюс, к тому же столько гнуса, что бывает трудно дышать. А если рядом нет воды, сводит с ума треск саранчи, кожа лопается от сухости воздуха. И пейзажи, конечно, для русского человека, пусть и сибиряка, в Туве гнетущие: холмистая степь, кривые низкорослые лиственницы на тех пятачках, где хотя бы на два-три часа задерживается тень. А остальное под палящим солнцем. Солнце и зимой, но ослепительно-ледяное.

Может быть, в каких-то уцелевших документах есть описание того, как оборудовали караулы, в которых жили месяцами пять-десять русских мужиков, наверняка без знания местного языка, без женщин. Может быть, где-то в литературе описано, но я не встречал.

С другой стороны, в Забайкалье пейзажи не особо живей, а то и унылей, как-то с местными казаками наверняка общались, да и с женщинами, как говорится, мутили, скорее всего. Не исключено, что эти казаки (все или часть) вообще были бурятами. (Это в последние десятилетия нас приучили воспринимать казаков как русоволосых, истово православных, но на Дону были казаки-калмыки, в Забайкалье казаки-буряты, и те и другие сохраняли буддизм; на Кубани есть казаки-негры.)

В марте 1918-го командир сотни (или полусотни) с запоминающейся для людей моего и старших поколений фамилией Магомаев увел казаков в сторону Иркутска. Оставил границу открытой. Правда, казаков буквально выдавили, и в первую очередь русские переселенцы, которые в то время были чуть ли не поголовно за революцию.

Лишь спустя полгода, осенью 1918-го, в Урянхай для охраны границы прибыла сотня уже Сибирского казачьего войска. Это были молодые парни, призванные на службу в последние два года, уроженцы Павлодарского уезда (территория которого теперь в Казахстане). Через три месяца сотню должны были сменить, но не сменили — стало не до этого — и почти половина казаков-павлодарцев погибла в стычках с китайцами и монголами, со своими единоплеменниками. А большинство остальных — немного позже, когда остатки сотни с разбитым отрядом Бологова отступила в Минусинск, в оттуда — на восток. Заодно с покотившейся армией адмирала Колчака. Может, кто-то из павлодарцев решил пробираться в обратном направлении, к дому... В одной статье встретил такие слова: «О дальнейшей судьбе сотни данных пока нет».

Правда, я нашел сведения, кажется, о ее командире, подьесауле Распопине. Осенью 1920 года его приговорили в Омске за службу в Белой армии к заключению «в концлагере». На какой срок, в «Книге памяти Омской области» не говорится, и о дальнейшей судьбе тоже. Не исключено, что это другой подьесаул Распопин, однофамилец того, кто на протяжении нескольких месяцев командовал в Урянхае вооруженными силами — своя сотня, около трехсот дружинников, несколько солдат Усинского гарнизона, — пытавшегося остановить китайцев, монголов, защитить русских переселенцев от разбушевавшихся урянхов, а урянхов от мести переселенцев...

Распопин выступал на митингах, издавал приказы. В общем, влиял, а иногда и определял политическую жизнь края. А потом сгинул.

О судьбе есаула Бологова известно больше. Родился в Иркутской губернии, служил в Енисейском казачьем дивизионе, один из тех, кто охранял границу в Урянхае до революции и в первые месяцы 1918-го. Потом воевал с красными на восточном берегу Байкала, после этого был послан обратно в Урянхай. Участвовал в Сибирском ледовом походе. В 1922-м оказался в Шанхае. Вернее, около года казакам не давали сойти на берег, и в конце концов они захватили карантинную станцию... Возглавлял в Китае Казачий союз. В 1949 году, перед захватом Шанхая коммунистическими войсками, Бологов организовал эвакуацию русских эмигрантов на Филиппины. Был руководителем русской колонии. В 1953-м переехал в Сан-Франциско. Умер в 1976-м...

Вот такая биография. Вернее, как говорили раньше, основные вехи. Вспоминали ли Бологов Григорий Кириллович тот двучастный Белоцарский бой, когда в первой части его отряд легко завладел городком, а во второй был опрокинут в ледяной Енисей?.. Наверняка вспоминал, ведь в том бою его дважды ранили. А может, заслонили другие бои, другие трагедии, испытания. Ледовый поход, например, десятки боев на Дальнем Востоке, год на маленьком судне в шанхайском порту, жизнь в филиппинских джунглях...

Сколько русских людей полегло раньше срока в землю, сколько их лежит в ней без могильных холмиков... Мы знаем, где похоронены погибшие в Белоцарском бою красные, а где похоронены белые? Может, и не похоронены, а сброшены были в Енисей на корм налимам... А сколько покинули родину. Распылились по свету. Париж, Шанхай, Канада, Аргентина, Филиппины... Сколько полезных умов и рук лишилась и лишается Россия. И все не может обрести достойную себя силу.